

INSPIRIA

18+

◆ Меган Марч ◆

ПОРОЧНАЯ СВЯЗЬ

◆ INSPIRIA

Порочный миллиардер

Меган Марч

Порочная связь

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Марч М.

Порочная связь / М. Марч — «Эксмо», 2016 — (Порочный миллиардер)

ISBN 978-5-04-155265-7

Холли вынуждена признать – ее отношения с Крейтоном Карасом приносят ей слишком много переживаний. Это любовь, определено. Но Крейтон слишком властный, слишком известный, слишком богатый, чтобы вести рядом с ним спокойную жизнь. Крейтон – это всегда адреналин. Холли устала. Возможно, ей следует изменить жизнь. Но Крейтон не даст ей так просто уйти.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-155265-7

© Марч М., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1. Холли	6
Глава 2. Холли	12
Глава 3. Крейтон	18
Глава 4. Холли	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Меган Марч

Порочная связь

Meghan March
DIRTY TOGETHER (#3)

Copyright © 2016. Dirty Together by Meghan March

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency

© Болятко О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1. Холли

Я жду, когда загорится зеленый свет единственного светофора в городе Голд-Хэвен, штат Кентукки. Потом поворачиваю налево и въезжаю на заправочную станцию. На этой станции я впервые в жизни заправляла свою машину бензином. Тогда это было намного дешевле. Мой «Понтиак» ненамного лучше, чем «Фиеро» выпуска 1988 года, на котором я ездила в те дни, но в этом городе он не будет бросаться в глаза, а именно это мне и нужно. Прежде чем выйти из машины, я надеваю солнечные очки и шляпу, похожую на те, которые обычно носят дальнобойщики.

Старые колонки, которые я ожидала увидеть, те, на табло которых крутятся цифры, заменены новыми моделями.

Это даже к лучшему. Это уменьшает мои шансы быть узнанной, если я постараюсь держаться подальше от людей.

Я провожу карточку через считывающее устройство, заправляю машину и закрываю бензобак. Когда я вернусь в Нэшвилл, я наконец сменю машину. Я могу себе это позволить, ведь я нечасто сорю деньгами.

И хотя на конкурсе «Мечты кантри» я выиграла миллионный контракт со студией, получила я на руки смешную сумму. Альбомы? Их выпуск обходится чертовски дорого. А что касается моих гонораров за выступления на гастролях, после оплаты всех расходов их даже не стоит упоминать. Но по мере того как будет расти продажа билетов на мои выступления и увеличиваться число моих поклонников, все изменится.

А пока я экономлю каждый цент и трачу деньги лишь на самые насущные нужды, потому что не знаю, когда окажусь на мели.

И мало что изменилось с тех пор, как я вышла замуж за миллиардера Крейтона Караса. Мысли о муже вызвали у меня чувство вины и сожаления. Не могу поверить, что я снова это сделала. Этим утром я просто встала и ушла.

И я думала лишь об одном – если я сейчас, прямо в этот момент, не уйду из его пентхауса, что-то внутри меня сломается. Мне просто необходимо было выбраться из этого города. Я знаю, что я трусиха и идиотка. Мне не нужно, чтобы кто-нибудь говорил мне об этом, потому что я сама уже обругала себя всеми возможными словами.

Я отрываю квитанцию и засовываю ее в карман куртки, а потом сажусь в машину и поворачиваю ключ зажигания.

Клик.

Я пытаюсь сделать это еще раз.

Щелк.

Вот дерьмо. Я тяжело вздыхаю, роняю голову и лбом прижимаюсь к рулю.

Я уверена, что это моя карма. Вот что случается с женщинами, бросающими своих мужей безо всякого объяснения, притом не один раз, а дважды.

Черт. Но как бы мне ни хотелось проникнуться жалостью к себе, сейчас не время для этого.

Я беру себя в руки и снова открываю дверцу. Здесь раньше работали заправщики, но давно, еще до того, как я начала учиться водить машину. Не то чтобы я стала платить дополнительные два цента за их услуги.

Я поправляю шляпу и направляюсь к гаражу. Окна над входом закрыты, возможно, из-за сильного ветра, так что я открываю дверь из матового стекла и захожу в приемную.

Песня группы «Криденс Клиаруотер Ревайвал» звучит так громко, что можно подумать, будто ты стоишь прямо рядом со сценой на их концерте. Дешевые обитые досками стены теперь

частично отделаны плиткой, частично выкрашены в нарядный голубой цвет. Заправочная станция явно преобразилась с тех пор, как я в последний раз была в этом городе.

Я нажимаю на кнопку звонка, но его не слышно из-за оглушающих звуков гитары.

Я могу без конца слушать «ККР». Но хотя я с удовольствием послушала бы еще пару песен, прежде всего мне нужно разобраться с машиной. Однако поблизости не видно никого из местных рабочих. Я решаю взять дело в свои руки и захожу за стойку, за которой расположена дверь в гараж.

Внутри гаража пахнет маслом, выхлопными газами и резиной. Не то чтобы неприятно, просто резковато. Здесь темнее, чем в приемной, так что я снимаю солнечные очки.

Мое внимание привлекает мужчина, который, нагнувшись, что-то откручивает гаечным ключом под капотом классического «Мустанга». На нем рабочие брюки и черная теплая рубашка, облегающая его широкие плечи.

– Эй! Можно вас попросить? – Мой голос проигрывает битву с гремящей музыкой. – Эй! – кричу я. Никакого ответа.

Я оглядываюсь по сторонам в поисках магнитофона. Найдя его, я направляюсь прямо к нему. Я нажимаю кнопку выключателя, и музыка смолкает.

Мужчина поднимает голову и поворачивается, чтобы посмотреть на смолкнувший магнитофон.

– Какого черта? – рявкает он. Потом замечает меня и обводит вопросительным взглядом. – Кем вы, черт возьми, себя...

– Простите. Вы не слышали меня из-за громкой музыки. – Я поворачиваюсь к нему и делаю несколько шагов. Собираюсь еще раз извиниться и внезапно узнаю его. – Логан Брэнтли?

Его прищуренные глаза широко раскрываются.

– Холли Викман. Не видел тебя сто лет.

Он вытаскивает тряпку из заднего кармана и вытирает руки. Потом собирается было протянуть мне руку, но смотрит на нее и хмурится.

– Подожди секунду.

Он поворачивается и направляется к раковине, расположенной в углу.

Запах цитрусов примешивается к запаху масла и выхлопных газов, и до меня доходит, что он моет руки, прежде чем обменяться со мной рукопожатием. Я не уверена, чувствую себя смущенной или польщенной. Логан Брэнтли был самым плохим из плохих парней, и я была влюблена в него с того момента, когда стала достаточно взрослой, чтобы влюбляться.

Хотя он никогда не обращал на меня внимания.

Он был старше меня на несколько лет и любил раскатывать по городу в своем стареньком «Камаро», как настоящий крутой парень, всегда с разными девчонками на переднем сиденье. Я не заслуживала его внимания, а потом, едва получив аттестат, он уехал из города. Я понятия не имела, что он вернулся, и мне становится интересно, как он жил все эти годы.

Он заканчивает мыть руки и подходит ко мне, распространяя запах апельсина.

– Подумать только... Что ты, черт возьми, делаешь в моем гараже, Холли Викс?

На этот раз он называет меня сценическим именем, и я краснею от смущения.

Я облизываю губы, пересохшие от жары, потому что печка в моей машине была включена всю поездку из Нэшвилла. И радио тоже, на полную громкость. Я во все горло подпевала всем старым исполнителям, которых только могла отыскать в эфире. Все, что угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о Крейтоне и о том, как он отреагировал, найдя мою записку. Голос у меня в голове, очень похожий на мамин, говорил, что на этот раз он просто спишет меня со счетов.

– Холли? – Логан возвращает меня к действительности.

– Прости. Я, э-э-э... моя машина не заводится. Я залила бензин в бак, потом села в нее, повернула ключ зажигания, и ничего не произошло. Ну, раздался щелчок, а потом... ничего.

Он улыбается, и я захопываю рот, потому что мне кажется, что он смеется над моим идиотским лепетом.

– Щелчок. Тогда, наверное, дело в стартере. – Он поворачивает голову и смотрит на дверь. Может быть, пытается увидеть мою машину? – На какой роскошной машине ты теперь едешь? Я могу представить тебя в «Лексусе». Ты всегда была на голову выше всех здешних девчонок.

Мои брови поползли вверх.

– Я? На голову выше?

До шестнадцати лет я ходила в поношенной одежде, которую приносили в церковь женщины, чьи дочери были на несколько лет старше меня. А в шестнадцать стала покупать себе одежду в магазинах, торгующих со скидкой. Может быть, он имел в виду, что я всегда прикрывала сиськи и задницу в отличие от девчонок, которые удостаивались чести проехаться в его машине?

Что он подумает, когда увидит мой «Понтиак»? Его теория о «Лексусе» распадется в прах. Я все та же Холли, какой была раньше, и блеск софитов пока еще не изменил меня. И даже те две недели, которые я провела рядом с миллиардами Крейтона.

Логан снова смотрит мне в глаза.

– Да, ты. Ты всегда была классной. Хотя, возможно, я заблуждаюсь насчет «Лексуса». Готов поспорить, что ты разъезжаешь в «Бентли». – Его намек на богатство Крейтона невозможно не понять, так же как и медленный, оценивающий взгляд, которым он одаривает меня. – Да, я думаю, что тебе очень подойдет «Бентли».

Я не понимаю, почему произвожу на него такое впечатление. На мне потертые обтягивающие джинсы, ярко-голубая рубашка, доходящая до середины бедра, короткая черная кожаная куртка, ковбойские сапоги и нелепая шляпа. Далеко не дизайнерский прикид.

– Никаких «Бентли». И никаких «Лексусов».

Хотя у Крейтона есть «Бентли», которым управляет его шофер, но мне-то он не принадлежит. Так что лучше я прерву болтовню Логана, и немедленно.

Он пожимает плечами.

– Ну что ж. Давай пойдем посмотрим, что у нас там.

Я следую за ним и почти наталкиваюсь на него, когда он резко останавливается напротив моего «Понтиака».

– Пожалуйста, женщина, скажи мне, что это не твоя тачка.

Я расправляю плечи и гордо заявляю:

– Прости, что не дотягиваю до твоих стандартов.

Повернув голову, он смотрит на меня.

– Эта тачка не дотягивает до *твоих* стандартов – вот в чем проблема.

Я пожимаю плечами.

– Жизнь в высшем обществе не всегда такая гламурная, как ты мог бы подумать.

Он что-то бормочет себе под нос, и я улавливаю лишь несколько слов: *жалкая пародия на мужа*.

– Ключи?

Он протягивает руку, и я отдаю ему ключи.

Чтобы втиснуться за руль, ему приходится отодвинуть кресло назад. И когда он вставляет ключ в замок зажигания и поворачивает его, ничего не происходит. Даже щелчка не слышно.

– М-м-м... раньше был щелчок.

– Да. Полетел стартер или соленоид. Я могу заказать его, но в лучшем случае его доставят лишь в понедельник. Может быть, во вторник.

Учитывая, что сейчас уже субботний вечер, меня это не удивляет.

– Хорошо. Большое спасибо.

Он вылезает из машины.

– Рад помочь своей землячке, которая выбилась в люди. Я попрошу Джонни помочь мне закатить ее в гараж.

– Спасибо. Большое спасибо. Одной заботой меньше.

Только как я теперь доберусь до бабушкиного дома, мысленно добавляю я.

Я устала после долгого дня, но все равно открываю багажник и достаю сумку. Потом подхожу к дверце пассажирского сиденья, открываю ее и беру свою сумочку. Повесив ее на плечо, я закрываю дверцу и обхожу машину со стороны капота.

Логан поднимает руку, жестом приказывая мне остановиться.

– Что ты, черт возьми, делаешь?

Я смотрю ему в глаза.

– Иду к бабушкиному дому.

– Пешком?

– Это не так уж далеко.

– Сейчас холодно, как в аду, и до него по меньшей мере три мили. Ты не пойдешь пешком.

Я ошетиливаюсь при этих словах. *Господи, убереги меня от альфа-самцов.*

– Я не знаю, когда тебе пришло в голову, что очень круто принимать за меня решения, но спасибо, я буду делать то, что захочу, черт возьми.

– Холли, не будь смешной.

Я взвиваюсь. И прежние смущение тут же покидает меня.

– Ты не в состоянии разглядеть, когда женщина находится на грани нервного срыва? Потому что я вишу на тонкой ниточке, и последнее, что мне нужно, это чтобы еще какой-то чертов мужик говорил мне, что я должна делать, а чего не должна.

К концу этой тирады мой голос уже понимается на полторы октавы вверх.

– Вау. Солнышко. Успокойся.

– Даже не...

Но он поднимает обе руки, словно защищаясь от хищницы, которую внезапно увидел перед собой.

– Я подвезу тебя. – Он поспешно добавляет: – Если хочешь.

Я чувствую, как гнев начинает меня отпускать, и соглашаюсь:

– Хорошо. Спасибо.

Логан берет у меня из рук сумку, и я не сопротивляюсь. У меня нет на это сил. Я устала как собака. И совершенно вымотана. Я хочу лишь поскорее добраться до бабушкиного дома, чтобы упасть на чистые, как я надеюсь, простыни и просто отлежаться несколько дней.

Мы выезжаем с заправки на огромном черном «Шевроле» Логана. Сиденья обиты темно-серой кожей, и внутри салона пахнет новой машиной. Я оглядываюсь в поисках освежителя воздуха с запахом новой машины, но не вижу его. И электроника в машине такая навороченная, что я полагаю, что она тоже новая. Очевидно, если кто из нас теперь и купается в роскоши, так это Логан Brentli.

Он включает радио – разумеется, местную станцию – и направляется из «центра города» в сторону бабушкиного дома. Я беру в кавычки слова «центр города», потому что он состоит всего лишь из одного светофора и четырех углов. И, принимая во внимание, что жители Голд-Хэвена не отличаются большим воображением, они так и называют центр города – Четыре Угла. Один угол – салон красоты, еще один – почта и аптека и два остальных – бар и запра-вочная станция. Вот и весь центр.

Голос диск-жокея привлекает мое внимание, когда произносит мое имя. И начинает звучать мой последний сингл. Мне следовало бы прийти в восторг оттого, что меня крутят по радио, но меня хватает лишь на слабую улыбку. Я вернулась домой не для того, чтобы быть Холли Викс.

Логан смотрит на меня, словно ожидая, что я что-нибудь скажу, так что я бормочу первое, что мне приходит на ум:

– Полагаю, понимаешь, что добила успех, когда слышишь себя на местном радио в родном городе.

Логан качает головой.

– Это спутниковое вещание. А местная станция все время крутит твои песни. Они вообще мало что другого ставят.

– А-а-а, – говорю я дрогнувшим голосом.

Глядя прямо перед собой, Логан говорит:

– Я всегда знал, что ты выбьешься в люди. Я рад, что ты не упустила свой шанс. – Он бросает на меня быстрый взгляд и добавляет: – Хоть это и сделало тебя недостижимой для меня.

Я настолько выбита из себя всей этой ситуацией – тем, что я снова в Голд-Хэвене, и тем, что сижу в машине Логана Брентли, – что даже не нахожу, что ответить.

Похоже, Логана это не беспокоит, потому что он продолжает:

– Итак, какого черта ты здесь делаешь, похожая на вытащенную из воды общипанную курицу?

Я подавляю смешок и приподнимаю бровь.

– А мне показалось, ты сказал, будто я хорошо выгляжу.

Он улыбается, бросив на меня быстрый взгляд, а потом снова сосредоточивается на дороге.

– Да нет, ты выглядишь хорошо, просто кажешься очень уставшей и напряженной – и рядом с тобой нет мужа.

Я сжимаю в кулак левую руку и правой рукой прикрываю булыжник на моем пальце. Здесь, в Кентукки, он кажется еще более неприлично огромным.

– Мне просто нужна передышка, – говорю я. – Мне нужно какое-то время побыть одной и разобраться в себе.

Логан включает сигнал поворота, прежде чем въехать на подъездную аллею, ведущую к бабушкиному дому. Он останавливает машину и поворачивается ко мне.

– Мне кажется, это последнее место, куда ты могла бы сбежать от неприятностей.

В доме меня ожидает множество воспоминаний – и беспорядок, который оставила там мама после того, как вломилась туда и стащила некоторые самые дорогие для бабушки вещи.

Я делаю вдох, приподняв плечи, а потом выдыхаю и выпрямляюсь.

– Полагаю, когда тебе хочется сбежать от неприятностей, самым естественным порывом будет поехать туда, где твои корни. Меня не было здесь девять месяцев, но за это время столько всего произошло. Я хотела лучшей жизни, и я откусила больше, чем смогла проглотить.

Я даже не успела подумать, прежде чем у меня вырвались эти слова.

– И теперь я даже не знаю, кто я на самом деле. Я подумала, что, если вернусь сюда, я смогу найти ответы на свои вопросы, чего я, похоже, не могу сделать в другом месте.

– И поэтому ты сбежала?

Его вопрос не удивил меня.

– Это долгая история.

Надеясь закончить наш разговор, я открываю дверцу и спрыгиваю на землю. *Для этой тачки ему нужна лестница.*

Снова забросив сумочку на плечо, я подхожу к Логану, который уже держит в руке мою тяжелую сумку. Он идет следом за мной к лестнице, ведущей на бабушкино крыльцо, выкрашенное в лиловый цвет.

Она выбрала этот цвет тем летом, незадолго до смерти, чтобы позлить свою зловредную соседку. И она не ошиблась. Бабушка *всегда* бывала права. Полагаю, истинной причиной, по

которой я приехала сюда, была моя надежда, что она поможет мне своей мудростью и своими советами, даже несмотря на то что ее здесь больше нет.

Я открываю замок и распахиваю дверь. Пыль кружится в воздухе, и я полагаю, что арест помешал моей маме навести здесь хоть какой-то порядок.

Логан ставит сумку на пол и делает шаг в сторону, давая мне пройти в дом.

– Спасибо. За то, что подвез, и за то, что помог мне с машиной. Когда машина будет готова, оставь сообщение на бабушкином телефоне.

– Не за что.

Он стоит, засунув большие пальцы рук за пояс рабочих брюк, и я понятия не имею, чего он ждет.

Я собираюсь закрыть дверь, но Логан говорит:

– Будь готова к восьми часам.

– Ч-что?

– Ты слышала меня.

– Но я... Что?

– Ты вернулась, чтобы заново обрести свои корни, Холли. И я собираюсь помочь тебе в этом.

Глава 2. Холли

Я сказала себе, что никуда не пойду, когда забралась под чистую простыню в свою старую кровать, не заводя будильник. Я сказала себе, что никуда не пойду, когда в семь сорок пять зазвонил дверной звонок. И я сказала себе, что никуда не пойду, когда накрыла голову подушкой, чтобы не слышать настойчивого стука в дверь.

Я сказала себе, что никуда не пойду... и тут увидела в дверях моей старой спальни Логана Brentли.

Ошарашенная, я села в кровати.

– Какого черта? Как ты сюда вошел?

– Я же сказал тебе, что приду в восемь часов. Я решил, что ты еще не будешь готова, поэтому пришел пораньше. А теперь вытаскивай свою задницу из постели. У нас сегодня насыщенная программа.

– И почему, несмотря на то что я не реагировала на тебя последние пятнадцать минут, ты все еще не понял, что я никуда не пойду?

Он вошел в комнату с таким видом, словно был у себя дома, и прислонился к стене, обклеенной лиловыми обоями.

– У тебя были причины приехать сюда. Я могу понять, когда кто-то хочет спрятаться и зализать свои раны, но это не помогает. Поверь мне. Я-то это знаю.

Я откинула одеяло, радуясь, что легла спать в футболке и легинсах.

– Ты действительно хочешь вытащить меня отсюда?

– Даже если ты будешь брыкаться и кричать. И учитывая, что твои фотографии появятся где-то в Интернете, тебе лучше освежить макияж.

У меня отвисает челюсть, и я несколько раз моргаю, услышав его нахальные слова.

– Господи Иисусе, будет чудом, если у тебя есть подружка. Ты напрочь лишен какого-либо такта.

Он криво усмехается.

– Может быть, у меня не одна подружка. И такт – явно не то, чего ищут женщины в наши дни, Викс.

– Как бы там ни было, убирайся из моей комнаты.

Я киваю на дверь на тот случай, если он меня не понял.

Логан смеется, и я не могу не оценить тот факт, что он стал весьма привлекательным мужчиной. Он сменил рабочие брюки на поношенные джинсы, надел теплый свитер, на этот раз темно-зеленого цвета. Свитер облегает его грудь, и я могу заметить, что этот мужчина хорошо сложен.

Я, возможно, и замужняя женщина, но я посрамила бы свой пол, если бы не посвятила минуту тому, чтобы оценить отличный образчик мужского рода, пусть даже чисто теоретически. Я машу рукой, прогоняя его, и он наконец поворачивается и идет к двери... давая мне возможность оценить его и сзади.

Покачав головой, я спускаю ноги с кровати и тянусь за своей сумкой. Я вытаскиваю из нее джинсы и длинный черный свитер. И роюсь в сумке, пока наконец мне не становится ясно, что я забыла упаковать носки. По крайней мере, я не забыла белье. И это напомнило мне о том, как тогда, в моей примерке, Крейтон пришел в ужас, подумав, что я собираюсь предстать перед публикой без трусиков, в одном коротком платье.

Почему мы, кажется, нашли возможность наладить отношения посреди этого сумасшествия, называемого гастролями, но как только вернулись к нормальной жизни, я чуть не дошла до нервного срыва? И что это говорит о нашем возможном будущем?

Я отбрасываю этот мучающий меня вопрос. У меня еще будет время подумать об этом. Сначала мне нужно разобраться с самой собой, а потом уже думать обо всем остальном. Так что я иду к шкафу и разыскиваю носки, роясь в куче вещей, которые оставила там и так за ними и не возвращалась.

Я планировала вернуться, разобрать вещи и выставить дом на продажу, но что-то все время останавливало меня. И вовсе не отсутствие времени в моем сумасшедшем графике. Когда несколько месяцев назад я платила налог на недвижимость, я сказала себе, что пришло время продать дом.

Но я так и не смогла поставить точку. Даже сейчас я еще не готова. И это просто удивительно, потому что мне не терпелось стряхнуть пыль этого городка с моих сапог. И после того как умерла бабушка... мне было слишком тяжело вернуться. Однако, как я и сказала Логану, здесь было единственное место, куда мне захотелось убежать. Жизнь – сложная штука.

Я, будучи девчонкой из Кентукки, часто вспоминаю фильм «Дни грома». Там Немезида Тома Круза, Роуди Бернс – тот парень, который стал его другом после того, как они разбили взятые напрокат машины по пути на званый ужин, – говорит, что ребенком он работал на ферме, чтобы получить возможность участвовать в гонках. Но позже стал участвовать в гонках, чтобы получить возможность вернуться и жить на ферме. По крайней мере, мне кажется, что это было примерно так.

Возможно, этот фильм – не шедевр, но я никак не могу забыть его. Это еще один способ сказать, что лучше там, где нас нет. Я нахожусь не в том положении, что Роуди Бернс, потому что не горю желанием насовсем вернуться в Голд-Хэвен, но я не перестаю размышлять о том, что, может быть, в дальнейшем буду петь и гастролировать, надрывая задницу, лишь для того чтобы накопить достаточно денег и уйти на покой.

Все это непредсказуемо.

И тут я замерла в процессе натягивания носка на ногу. *Неужели я только что представила себе свое будущее, в котором не будет Крейтона?* Потому что если Крейтон останется частью моего будущего, деньги не будут играть для меня никакой роли, разве нет?

И тут возник еще более важный вопрос – если Крейтон останется частью моего будущего, буду ли я спустя десять лет все еще петь и гастролировать? Потому что если даже у нас с ним все будет хорошо, не надоест ли ему эта история с музыкой кантри, которая поначалу казалась ему интересной, но со временем утратила свою привлекательность?

Перестань волноваться заранее, Холли. Я принимаю решение на сегодня похоронить все мучающие меня вопросы. У меня пока еще нет на них ответа. И может быть, появление Логана у меня на пороге – счастливая случайность, которая поможет мне отвлечься.

Стянув с себя легинсы, я надеваю джинсы, а потом меняю футболку на свитер и смотрю на свое отражение в зеркале, которое верой и правдой служило мне в трудные годы подросткового периода. Мне легко сказать, чем сейчас я отличаюсь от меня прежней.

Мои волосы теперь более длинные и блестящие благодаря рекомендациям стилиста. Мое тело стало стройнее благодаря диете и подсчету калорий. Но вы поверите, что мои сиськи стали более аппетитными? Нет, я не продала душу дьяволу, просто открыла для себя бюстгалтеры «пуш-ап» и нашла нужный мне размер. Мое лицо, как и тело, стало худее, скулы острее, а брови приобрели форму, над которой поработал профессионал. Но, не считая этого, я все еще та же девчонка, которой была, когда уезжала из этого города.

И неужели Крейтон сможет долго довольствоваться этой девчонкой?

– Прекрати, – говорю я своему отражению. – Просто прекрати.

– Поторопись, Холли! – кричит Логан снизу.

– Придержи коней, наглый тип! – кричу я ему в ответ.

Я хватаю косметичку, замазываю тональным кремом круги под глазами, наношу бронзовый румянец на щеки, подкрашиваю тушью ресницы и покрываю губы блеском. И этого, решаю я, будет достаточно.

Программа Логана по возвращению меня к моим корням началась с ужина у «Мистера Бургера», единственного ресторана быстрого питания в городе, потому что Макдоналдс не потрудился открыть у нас свое заведение. Здесь на редкость тихо для субботнего вечера, но это и к лучшему.

Мы делаем заказ и садимся в дальнем углу, ожидая, когда нам принесут еду. В городе шутят, что обслуживание в «Мистере Бургере» такое медленное, потому что им приходится вначале пойти убить корову.

Проходит двадцать минут, прежде чем нам приносят два огромных чизбургера, жареный картофель и шоколадный молочный коктейль. Я не съела так много калорий за один присест с тех пор... вероятно, с тех пор, когда в последний раз ела здесь. И эта еда очень отличается от того неприлично роскошного стейка, который Крейтон заказал в гостинице.

Но и эта еда *потрясающая*. И компания тоже не такая уж плохая.

Я говорю очень мало, но Логан прекрасно ведет беседу, хотя у меня такое чувство, что обычно он не такой разговорчивый. Он рассказывает мне о том, как вернулся в город после увольнения с флота. Он не говорит, что такого он натворил во время службы, и я подозреваю, что это было что-то интересное.

Он вернулся в город через несколько дней после того, как я уехала в Нэшвилл, и поскольку не привык бездельничать, нанялся на работу в гараж, где он подрабатывал, еще учась в школе. Как оказалось, во время службы на флоте он в свободное время занимался реставрацией классических автомобилей, так что Чак, прежний владелец гаража, сразу же нанял его.

– Когда Чак три месяца спустя сказал мне, что собирается на покой, я понял, что не могу позволить ему продать гараж кому-либо, кроме меня. Возвращение в этот чертов гараж стало для меня настоящим возвращением домой. Он не был удивлен тем, что я не хочу, чтобы он продал этот гараж кому-то еще, и был настолько добр, что помог мне выкупить его. Я почти расплатился с ним, а потом взял кредит в банке для того, чтобы отремонтировать гараж. И все теперь складывается у меня неплохо.

Я поражена тем, что за шесть месяцев он успел купить это заведение, отремонтировать его и превратить старый гараж Чака в популярное место для реставрации и починки классических автомобилей. Более того, сказать, что я поражена, – это сказать слишком мало. Похоже, не я одна способна упорно воплощать в жизнь свою мечту.

Еще меня удивляет, что мы покидаем ресторанчик, не привлекая к себе внимания. Полагаю, я не такая уж знаменитость, даже в своем родном городе. Очевидно, в маленьких городках популярна лишь Миранда Ламберт¹.

Вторая часть операции «Возвращение Холли к ее корням» привела нас в то место, где все начиналось – «Пойло и Яйца». Мне следовало бы знать, что все кончится этим, ведь это единственное место в Голд-Хэвене, куда люди приходят развлечься.

Прием, который мне оказывают здесь, очень отличается от того, с которым я столкнулась в «Мистере Бургере». Можно подумать, что я – настоящая героиня, которая вернулась спустя долгие-долгие годы.

– Черт побери, смотрите, кто к нам пожаловал! – кричит Бенни, перекрывая шум, царящий в кегельбане.

Он направляется ко мне так быстро, как только позволяет трость, и обнимает меня.

¹ Американская певица, автор-исполнитель в стиле кантри. Лауреат музыкальных премий «Грэмми», Академии кантри-музыки и Ассоциации кантри-музыки.

– Привет, Бен. Как твои дела?

Этими словами моя бабушка приветствовала его многие годы, и я давно уже переняла у нее эту привычку.

Он отстраняется, опираясь на свою деревянную трость, чтобы сохранить равновесие, и склоняет голову набок.

– Думаю, куда интереснее, как идут *твои* дела, миссис Миллиардерша.

Мои щеки вспыхивают. Я не хочу говорить о той Холли, оставшейся за пределами этого города. Я здесь не для этого.

– Я в порядке. Просто решила немного передохнуть.

Он хочет спросить еще что-то, но передумывает. Я бросаю быстрый взгляд на Логана, который выразительно смотрит на Бенни. Ограждает меня от его вопросов?

– Как насчет партии в боулинг, Бен? – спрашивает Логан.

Бенни с энтузиазмом кивает.

– Конечно. Все, чего захочет моя девочка. Но у меня есть условие.

– Бен, – начинает говорить Логан, но я перебиваю его. Я отлично знаю, каково будет условие Бенни.

– Я спою одну песню. Но не из моих.

– Договорились. Идите поиграйте, а позже встретимся в баре.

Мы сыграли две партии, и легкость в общении с Логаном удивляет меня. В нем нет того напряженного предвкушения, которое я чувствую каждый миг, проведенный рядом с Крейтоном. Но зато это общение лишено всякого стресса.

Оно просто... непринужденное.

К тому же невозможно не сравнивать этих мужчин – одного грубоватого и приземленного, другого – утонченного и лошеного. И каждый из них по-своему опасен.

Я знаю, как вести себя с такими парнями, как Логан. И не потому, что провела много времени на гастролях рядом с Буном. Логан воспитывался в тех же условиях, что и я. Я могу надерзить ему, дать сдачи и при этом не чувствовать себя неловкой или скверной.

Я могу дать сдачи и Крейтону, но когда я оказываюсь в его мире, я теряю уверенность в себе, потому что чувствую себя совсем чужой. Во время гастролей все было лучше, но лишь потому, что это *он* был в *моем* мире. Как там говорится в пословице о птице и рыбе, которые полюбили друг друга? Наверное, мы слишком разные.

Мои мысли настолько отвлекают меня, что я неудачно бросаю шар. *Черт*. Вот вам и триста очков, которые я умею заработать за партию. Я не раз проделывала это. И это еще одно умение, которое жена миллиардера, вероятно, не должна упоминать в своем резюме.

Я обожаю играть в боулинг, есть жареные пикули и петь песни о грузовичках и разбитых сердцах. И я ненавижу чувствовать себя настолько... не отвечающей требованиям. Как я смогу быть подходящей парой Крейтону, если даже я сама не чувствую себя такой? Слова Анники по-прежнему все еще ранят меня.

Логан бросает шар, и я с радостью отвлекаюсь от своих мыслей. Он тоже умеет играть и набирать по триста очков за партию. Я наблюдала это множество раз, когда школьницей подрабатывала здесь, а он приводил сюда своих подружек. Вот вам и еще одно различие между этими мужчинами. «Пойло и Яйца» – это как раз такое место, куда парень вроде Логана приводит свою подружку. А когда я пытаюсь представить себе Крейтону в этом окружении, мне это не удается.

Но я была полна решимости отряхнуть пыль этого города со своих сапог и никогда не возвращаться сюда. Так что за печаль, если я не могу представить себе Крейтону здесь? Я хотела лучшей жизни, и я ее получила. И когда я наберусь мужества прожить ее, а не плыть по течению, позволяя приливам и отливам то выбрасывать меня на берег, то утаскивать в открытое море?

Я хватаю свой шар, размахиваюсь... и снова неудача. Отвернувшись от дорожки, я сажусь на синий пластиковый стул и роняю голову на руки.

– Холли, какого черта? – спрашивает Логан.

– Я не могу это сделать. Мне нужно перестать думать. Я хочу сегодня вечером ни о чем не думать, но у меня не получается.

Логан кладет шар на пол и садится рядом со мной. Кроме древесного аромата лосьона после бритья или дезодоранта от него исходит запах гаража – масла, выхлопных газов, резины и цитрусов.

Этот запах не неприятный. Он *настоящий*.

Но это не Крейтон.

– Что я могу сделать? Как мы можем помочь тебе перестать думать? – спрашивает Логан.

Мне приходит в голову лишь одно решение.

– Давай напьемся.

Логан качает головой.

– Я за рулем.

– Тогда я напьюсь одна.

Он какое-то время молчит. Потом наконец кладет локти на колени и бросает на меня взгляд искоса.

– Ты уверена?

– Чертовски уверена.

Я могу не знать ответов на другие вопросы, на которые мне следует найти ответы, но на этот вопрос ответ мне ясен.

Покачивая головой, он говорит:

– Тогда называй свою отраву. И может быть, тебе стоит спеть ту песню, которую ты обещала Бену, пока ты не напьешься так, что не сможешь петь.

– Думаю, сегодняшний вечер хорош для текилы. И я могу петь в любом состоянии. – Я потираю лоб. – Я так думаю. Впрочем, увидим.

– Черт, я знаю, что это плохая идея, – говорит он, но подчиняется.

Рюмки выстраиваются в ряд передо мной на барной стойке, и я не добавляю в них ни соль, ни лимон, предпочитая запивать пивом неразбавленную текилу. Возможно, впоследствии я пожалею об этом решении. Почти наверняка. Но я уже чувствую, как кружится моя голова, и мне становится на все наплевать.

Бенни настраивает аппаратуру, когда я хватаю микрофон со стойки. Мне все равно, что он выберет. Я просто хочу оказаться на сцене, пусть даже это крохотная сцена в кегельбане, потому что это единственное место, где я чувствую полную уверенность в себе. Сегодня вечером я вложу всю душу в свое пение. Эти люди, возможно, пришли сюда просто поиграть и выпить, но сейчас они увидят по-настоящему крутое представление.

Музыка, которая льется из колонок, вызывает у меня желание рассмеяться. Громко, беззаботно. Я даже не помню, как давно не смеялась. Каким-то образом Бенни всегда улавливает мое настроение. Он поставил песню Миранды Ламберт «Знаменитость маленького города».

Я начинаю петь, чувствуя себя совершенно счастливой.

Бенни ставит песню за песней, и текила продолжает литься в мой желудок. Я потеряла счет песням, и рюмкам, и количеству людей, собравшихся в маленьком баре кегельбана. Я не думаю об этом. И я не замечаю, как люди перешептываются, как вспыхивают камеры, и как толпа расступается, пропуская кого-то вперед.

Мои глаза закрыты, и я чувствую, как к ним подступают слезы, когда я пою последние слова песни Сары Эванс² «Рожденная летать». С этой песни, исполненной на этой сцене, все и

² Американская кантри-певица и композитор. Эванс начала карьеру в конце девяностых и в конечном счете добилась

началось. Разволновавшись, я кладу микрофон и немного наклоняюсь вперед, положив руки на бедра, пытаюсь обрести равновесие.

– Еще рюмочку, Холли? – кричит кто-то.

Я поднимаю руку и показываю большой палец. И в этот момент слышу знакомый глубокий голос:

– Я думаю, что тебе уже достаточно, моя дорогая.

Глава 3. Крейтон

Знаете, кто задевает мужчину за живое? Жена, которая уходит от него уже во второй раз. К счастью, я достаточно уверен в себе, чтобы справиться с этим. Однако мне начинает надоедать выступать в роли детектива, чтобы выяснить, куда моя жена сбежала на этот раз.

Но мне никогда не надоест слушать, как она поет. Я стою в задних рядах толпы в кегельбане и впервые вижу Холли на той сцене, на которой она набралась мужества, чтобы попытаться воплотить в жизнь свою мечту.

Она чертовски великолепна, и я далеко не единственный, кто так думает. Эти люди, которых, она, вероятно, считает *своими*, просто потрясены ее талантом. Как и должно быть.

Когда последняя нота стихает, я начинаю пробираться сквозь толпу к сцене. Я понятия не имею, что скажу ей, но, полагаю, это не имеет значения. Одно лишь мое присутствие здесь говорит само за себя.

– Еще рюмочку, Холли? – кричит кто-то из толпы, перекрывая восторженный рев зрителей, но Холли наклоняется вперед и старается перевести дыхание. Я ни разу не видел, чтобы ей это требовалось. Похоже, моя жена сегодня выпила не одну рюмочку.

Осознавая, что все камеры направлены на меня, я решительно поднимаюсь на сцену.

– Я думаю, что тебе уже достаточно, моя дорогая.

Она вскидывает голову и смотрит мне в глаза.

– Это не тебе решать, – говорит она заплетающимся языком.

– Нет, мне. Мы уходим отсюда.

– Я не вернусь в Нью-Йорк. Не сейчас.

Я замираю, слыша это категорическое утверждение.

– Думаю, нам лучше отложить это обсуждение до того времени, когда ты протрезвеешь.

– Хорошо. Но я еще не закончила.

Она хватается за микрофон со стойки и кричит:

– Как насчет еще одной песни?

Толпа начинает реветь.

– Давайте вернемся к классике Рыбы³, – кричит Холли. – Мне хочется спеть «Представь себе».

Толпа снова раздражается криками, на этот раз просто оглушающими. И когда начинает играть музыка, я совершенно уверен, что уже слышал эту песню, но никогда не вслушивался в слова. Но когда Холли поет, каждая строчка доходит до моего сердца.

Все, что она рассказывала мне о своей матери, которая постоянно сходилась с любыми мужчинами, лишь бы они имели достаточно денег, чтобы их прокормить, снова всплыло в моей памяти. Эта песня была посланием мне, и, думаю, я понимаю его смысл.

Чего я не понимаю, так это того, как, черт возьми, заставить ее поверить в то, что она не просто какое-то украшение моей жизни. Она *и есть* моя жизнь.

Холли не из тех женщин, которых можно убедить словами. Теперь я уже это знаю. Ей нужно, чтобы я доказал это делами. И знаете что? Это я могу сделать, черт побери.

Ее чистый, проникновенный голос тянет последнюю ноту целую вечность, и бар ходит ходуном от аплодисментов и восторженных воплей. На этот раз я долго не жду. Я делаю шаг к ней, подхватываю ее на руки и спрыгиваю со сцены.

– Что ты?..

– Я отвезу тебя домой.

– Но я не собираюсь...

³ Рыба Макинтайр, американская кантри-певица.

– К тебе домой, Холли.

– О!

Она обхватывает меня руками за шею и крепко держится, пока я протискиваюсь сквозь толпу и выхожу в холл.

И тут я чувствую, как кто-то похлопывает меня по плечу, и оборачиваюсь.

Это мужчина. Огромный мужчина.

– На сегодня она закончила, – говорю я ему. – Ты сможешь получить ее автограф в другой раз, парень.

– Если бы мне был нужен ее автограф, я получил бы его гораздо раньше, когда заезжал за ней вечером.

Я замираю.

– Логан, все в порядке, – начинает говорить Холли.

Но я даже не жду, пока она закончит фразу. Я поворачиваюсь и направляюсь к двери.

Как только она произнесла его имя, меня охватило чувство собственника, такое яростное, что я почти утрачиваю здравый смысл. Мне нужно скорее выбраться отсюда, иначе я спущу ее на пол и накинусь на этого парня. Я объяснюсь с ним тем способом, который он будет в состоянии понять, – на кулаках, пока не прольется кровь одного из нас или нас обоих. Я лишь надеюсь, что у него достаточно здравого смысла, чтобы не идти за нами.

Но когда я несусь Холли к автомобилю, который взял напрокат, я слышу его тяжелые шаги за спиной.

– Я не дам тебе утащить ее, пока не услышу от нее, что она хочет уйти с тобой.

Я оставил машину незапертой, решив, что никто ее не угонит. Я хватаюсь за ручку, рывком открываю дверцу, сажаю Холли на сиденье и захлопываю дверцу.

Холли что-то кричит, но я блокирую дверцы, прежде чем она успевает открыть свою. В ее состоянии ей потребуется время сообразить, как справиться с этой хренью. *Спасибо тебе, «Кадиллак».*

Я поворачиваюсь к Логану.

– Очевидно, я в невыгодном положении, потому что ты знаешь, кто я, а я совершенно уверен, что Холли никогда не упоминала никого по имени Логан.

Он скрещивает на груди свои мускулистые руки. Он, похоже, фунтов на тридцать тяжелее меня, но я привык боксировать с Кэнноном. Вдобавок к этому я чертовски зол и готов защищать свое право на мою женщину. И я не боюсь крови, если это донесет до него мою мысль.

– Я не собираюсь встречать между мужем и женой, – начинает он.

– Тогда развернись и отправляйся обратно.

Но он продолжает, будто я и не говорил ничего.

– Но мне не нравится, что женщина, с которой я куда-то пришел, уходит от меня с другим мужчиной.

Я расслабляю руки и сжимаю пальцы в кулаки.

– Ну, ты, черт возьми, можешь быть уверен, что не ты уйдешь с ней сегодня вечером. Так что тебе придется проглотить это. – Даже на плохо освещенной стоянке я вижу, как дергается мускул у него на подбородке. – Если ты намерен застолбить свое право на женщину, предлагаю тебе найти ту, которая свободна.

Он ухмыляется.

– Единственная причина, по которой ты смог утащить ее, та, что я не пытался застолбить права на нее.

– Значит, тебе не повезло. В следующий раз, когда мы будем в этом городе, я угощу тебя пивом в знак благодарности. Но сейчас я хотел бы отвезти свою жену домой, прежде чем ее вырвет во взятой напрокат машине.

Я произношу слово «жена» с нескрываемым удовлетворением и делаю на нем особое ударение.

– Мне кажется, что парню с такой женой нужно научиться удерживать ее при себе.

Почти то же самое говорил мне Бун, когда сверлил мне мозги несколько часов назад в Нэшвилле.

– Тебе лучше перестать делать то дерьмо, из-за которого она сбегает от тебя, или ты, черт возьми, потеряешь ее. – Вот вам избитая мудрость от Буна.

Для пущей убедительности он посмотрел на ружье с обрезанным стволом, висевшее над входной дверью, когда выдал последнее предупреждение:

– Эта девушка – хорошая девушка. Не заставляй ее плакать, иначе мне придется вмешаться. Я считаю ее членом моей семьи.

Но мои объяснения достаточно успокоили его, чтобы он рассказал мне, куда она направилась. Маленький городок, в котором она выросла, был последним местом, где я стал бы искать ее, так что я должник Трэшера. А вот этому засранцу Логану я ничего не должен.

Логан, прищурившись, смотрит на меня.

– Разговор еще не закончен. – Он кивает головой в сторону машины. – Но он может подождать.

Я тоже поворачиваюсь к машине и вижу, что Холли отключилась, прижав голову к окну. *Вот дерьмо!*

– Ты знаешь, как доехать до дома ее бабушки? – спрашивает он в тот момент, когда та же мысль приходит мне в голову.

С недовольством я признаю, что понятия не имею. Он начинает объяснять мне, как проехать, и тут Холли приходит в себя и стучит в окно.

Черт. Мне знаком такой взгляд. Я поспешно открываю дверцу, Холли тут же высовывается из машины, и ее рвет прямо на гравий около колеса. Я обхожу дверцу и собираю волосы Холли в неопрятный хвостик. Я слышу, как рядом открывается и закрывается машина, но мое внимание приковано только к Холли.

И тут появляется Логан. Он осторожно обходит лужу рвоты и прикладывает к губам Холли бутылку с водой.

Учитывая инстинкты пещерного человека, которые всякий раз пробуждаются во мне в присутствии Холли, я должен был бы прийти в ярость оттого, что другой мужчина заботится о ней. Но этого не происходит. Я благодарен ему, потому что сейчас самое главное – помочь ей, а не продолжать мериться с ним членами. Поразительно, каким простым все становится, когда приоритеты так явно расставлены.

Когда она перестает пить, ее снова рвет, после чего она делает еще несколько глотков. Я отвожу волосы с ее лба и заправляю их ей за ухо. Она выпрямляется на сиденье и смотрит то на меня, то на Логана.

– Я ничего не понимаю. Я пьяна. – Ее взгляд останавливается на мне. – Как ты, черт возьми, здесь оказался? Почему?

– Думаю, лучше отложить этот разговор до того времени, когда ты начнешь понимать то, что я скажу.

– Хорошо. Я пока не знаю, что сказать...

Она замолкает, и ее глаза закрываются.

Черт.

Я перевожу взгляд на Логана.

– Что ты, черт возьми, сделал с ней? Я никогда ее такой не видел.

– Она пыталась забыть о тебе.

Эти слова буквально наносят мне удар. Я резко выдыхаю, физически ощущая боль от словесного нокаута.

– Ну, этого не случится, потому что я ни за что не оставлю ее.

– Дело твое, парень, но если женщина хочет немного свободы, я бы дал ей эту свободу. Особенно если оттолкнул ее от себя, отказавшись дать то, что ей нужно.

– Что сегодня происходит с деревенщиной, которая пытается скармливать мне свои доморощенные мудрости?

– Я возмущен бы, но ты сам признал, что это мудрые слова.

Я имел в виду совсем другое, но этот Логан, похоже, умнее, чем кажется.

Холли съезжает с сиденья вбок, едва не вываливаясь из машины, и мы оба поспешно протягиваем руки, чтобы поддержать ее. Но, увидев предупреждающий взгляд, который я бросаю на него, Логан убирает свою руку. Я осторожно усаживаю Холли поаккуратнее, а потом закрываю дверцу и поворачиваюсь к Логану.

Пещерный человек во мне успокоился? Черта с два. Мне нужно кое-что разъяснить ему, прежде чем я уеду. А учитывая то, что Холли должна была быть в постели еще пять минут назад, я разъясню ему это очень быстро, не теряя времени.

– Видишь кольцо на ее руке? Оно означает, что она недоступна, даже для таких парней, как ты.

Логан откидывает голову назад и прищуривается.

– Я не собирался браконьерствовать. Я уважаю ваши клятвы, но я знаю, что у тебя плохой послушной список и ты известен тем, что не умеешь соблюдать их.

Во мне бушует ярость, и я с трудом сдерживаю желание ударить его кулаком по лицу. Древний инстинкт заставляет меня шагнуть к нему, но в этот момент к нам, прихрамывая, приближается старик и просовывает между нами трость.

– Ну хорошо, парни. Либо помиритесь, либо разъезжайтесь по домам.

– Пожалуй, я выберу последнее, – говорю я.

Я слышу, как Логан бормочет что-то о том, что я проиграл наше состязание членов, но старик уже протягивает мне знакомую сумочку Холли.

– Ты знаешь, где находится дом ее бабушки? – спрашивает старик.

– Очень туманно. – Объяснение Логана было прервано на середине.

Старик кивает.

– Поезжай направо, примерно полмили, и это будет третий дом слева после линий электропередачи. Если доедешь до железнодорожных путей, это будет означать, что ты уехал слишком далеко.

Эти инструкции вполне понятны. Старик поднимает над головой сумочку Холли.

– Это ее.

– Спасибо, – говорю я и протягиваю к ней руку, но старик быстро поднимает ее еще выше.

– Заботься лучше об этой девочке, не то я оторву тебе яйца.

Бог мой, это уже третья угроза за сегодняшний день.

Выхватывая сумочку у него из руки, я киваю.

– Я вас понял.

Я поворачиваюсь к машине, но Логан, похоже, еще не закончил со мной.

– Ее спальня наверху. Ты ее легко найдешь.

В его голосе звучит нотка триумфа, и мне снова хочется повалить его прямо на гравий на этой стоянке.

– Я не хочу знать, откуда тебе, черт возьми, это известно.

Я почти не узнаю свой голос – он такой грубый и низкий.

Логан ухмыляется и засовывает большой палец в карман своих джинсов.

– Успокойся, богатенький чувак. Я не лишал ее невинности.

Почему ему хочется сейчас подразнить меня, я не знаю, и мне на это наплевать. Но я также не хочу вызывать своего адвоката из Египта, чтобы он вытащил меня под залог, даже

если мне предъявят обвинение в убийстве при смягчающих обстоятельствах. Так что я решаю честно предупредить его.

– Ты понимаешь, что я могу сделать так, что ты навсегда исчезнешь? – говорю я, огибая машину, берясь за ручку дверцы со стороны водителя и замирая в ожидании его ответа.

Логан облокачивается о черный грузовичок, припаркованный рядом с «Кадиллаком», и я готов прозакладывать свою машину, что этот грузовичок принадлежит ему.

– Здесь у нас принято, что мужчина сам совершает убийство и сам хоронит тело. Я знаю отличные угольные шахты, где тебя никогда не найдут, – лениво тянет он.

Я выпрямляюсь и окидываю его оценивающим взглядом.

– Я понял, что ты самоуверенный сукин сын, но в чем здесь твой интерес?

Он, не колеблясь, смотрит мне прямо в глаза.

– Мне не понравилось, как выглядела Холли по приезду в город, и ты – самая вероятная причина тому.

Я представил ее, усталую и совершенно подавленную, какой она была до того, как прошлым вечером случилось все это дерьмо в музее. И мне хочется поскорее отвезти ее в дом ее бабушки, чтобы как следует позаботиться о ней. Прошлой ночью мы оба были не на высоте, но я здесь для того, чтобы все исправить.

Я говорю спокойным тоном, хотя меня снова охватывает ярость.

– Не вижу, какое тебе до всего этого дело.

Логан расправляет плечи и сжимает кулаки.

– Мне есть до этого дело.

Я бросаю взгляд на Холли, отключившуюся на пассажирском сиденье, а потом снова смотрю на Логана.

– Сейчас у меня нет времени, но если утром ты все еще будешь настроен воинственно, ты знаешь, где меня найти.

Он делает шаг ко мне, и на этот раз мои пальцы сжимаются в кулаки.

– Некоторым из нас нужно работать с утра. Например, мне придется чинить эту дерьмовую машину твоей жены, которая сломалась в ту секунду, когда она въехала в город.

Я тихо бормочу ругательство.

– Не трудись. Я куплю ей другую, когда мы вернемся домой.

Не знаю, на чем она приехала, но, полагаю, не на «Мазерати», которую я собирался ей подарить.

– Ты уверен, что она поедет с тобой? – ехидно спрашивает Логан.

– Чертовски уверен.

Я не допущу ничего другого.

– То же самое сказала мне твоя жена, когда я спросил, уверена ли она, что хочет выпить сегодня вечером.

Стиснув зубы, я рывком открываю дверцу машины. Логан все еще стоит, облокотившись на свою машину, когда я выезжаю со стоянки и гравий вылетает у меня из-под колес. Я готов поклясться, что его ухмылка сделалась шире, и надеюсь, что камешки гравия поцарапали краску на его машине. Засранец.

Мы добираемся с Холли до дома ее бабушки раньше, чем ее снова начинает рвать, и я знаю, что ночь нам предстоит долгая.

А завтра? Завтра нам с Холли нужно будет серьезно поговорить.

Глава 4. Холли

Моя голова раскалывается, а яркий свет, заливающий комнату, больно режет глаза, хотя они все еще закрыты. Я издаю звук, который, полагаю, можно назвать стоном, но он исходит у меня из желудка и больше напоминает завывание животного. Повернув голову, я вижу на ночном столике стакан с водой и таблетки.

– Спасибо, Логан, – бормочу я.

И когда я слышу низкий голос, я чуть не падаю с кровати.

– Это не Логан.

Я резко сажусь и тут же жалею об этом, потому что тошнота подкатывает к горлу.

– Крейтон?

Он садится на маленький стул, обычно стоящий у моего туалетного столика. И выглядит при этом нелепо, потому что он способен раздавить его своим весом.

Какого черта он здесь делает?

У меня путается в голове в поисках ответа, но я его не нахожу. Мое замешательство, наверное, очевидно, потому что Крейтон приподнимает бровь.

– Ты не помнишь, что было прошлым вечером?

Прошлым вечером? У меня полный провал в памяти. Я качаю головой, и острая боль пронзает мне виски.

Эй, Холли. Поосторожнее.

Я снова смотрю на Крейтона, и мрачное выражение его лица вызывает у меня приступ совсем другой боли. Я уже видела это выражение. *Крейтон в ярости.* И причину этого он мне тут же и сообщает:

– То, что ты рассчитывала увидеть другого мужчину в своей спальне, чертовски бесит меня, Холли.

У меня сводит желудок, вызывая тошноту при мысли о предстоящем объяснении – к которому я совсем не готова, и я спрыгиваю с кровати и бросаюсь в свою крохотную ванную. Рвотные спазмы сотрясают мое тело, пока слезы не начинают катиться по лицу.

И тут как по волшебству рядом со мной появляется стакан с водой. Ну, если считать, что Крейтон Карас может быть волшебником. Я отказываюсь делиться своим мнением на этот счет.

Бормоча слова благодарности, я делаю глоток и тут же выплевываю его в туалет. Я чувствую себя так, словно меня сбила машина, и в моей памяти не всплывает ни одного воспоминания о прошлом вечере. *И это не очень хороший знак.*

Крейтон забирает у меня стакан и протягивает мне мокрое полотенце, прежде чем выйти из моей крошечной ванной.

Я вытираю лицо и медленно выпрямляюсь. И одного взгляда в зеркало достаточно, чтобы я обнаружила, что и выгляжу так, словно меня сбила машина и я воскресла из мертвых.

Размазанная тушь делает меня похожей на енота, и я стираю ее в попытке немного привести себя в божеский вид. Мои волосы торчат во все стороны, слипшиеся и спутанные, так что я хватаю с полочки резинку и пытаюсь убрать их с лица и привести в относительный порядок, что мне не удается. Ничто не поможет мне, кроме горячего душа.

Осторожно я высовываю голову из-за двери в ванную. Крейтон сидит на моей кровати, глядя крайне неуместно в моей бело-сиреневой комнатке. Он смотрит на меня, и его ярость не становится слабее.

– Я, э-э-э, я собираюсь принять душ.

Он сдержанно кивает, и я читаю в выражении его лица, что он не слишком доволен.

Нахмурившись, я возвращаюсь в ванную и закрываю за собой дверь. Сняв помятую одежду, я поворачиваю ручку древнего крана до отказа в сторону горячей воды, надеясь, что она сможет... смыть что-то. Или все? Я даже этого больше не знаю.

Я приехала сюда, чтобы переосмыслить свою жизнь, но вместе с тем я рада видеть Крейтона в моей спальне. Я думала, мне будет стыдно за то, что он увидел меня в таком состоянии, но вместе с тем почувствовала себя более... свободной, что ли?

Словно мне больше нечего скрывать. Словно он увидел меня такой, какая я есть на самом деле, включая наименее достойные похвалы грани моей натуры, и при этом он все еще здесь.

Я улыбаюсь, стоя под обжигающей водой, и когда во мне зарождается что-то наподобие надежды, я не могу удержаться и начинаю петь.

После того как я яростно отчистила зубы и мой язык почти онемел от «Листерина», я берусь за ручку двери. На моем лице широкая улыбка, и я чувствую себя снова ожившей.

Я готова говорить с Крейтоном, готова выложить свои карты и посмотреть, сможем ли мы наладить что-то между нами.

Но когда я открываю дверь, моя комната оказывается пустой. Я вешаю полотенце на спинку стула и достаю из сумки легинсы и футболку. Прислушиваясь в надежде услышать какие-нибудь звуки, я спускаюсь по лестнице.

Но в кухне царит такая же тишина. У меня сводит желудок, хотя он был спокоен всего несколько минут назад, и мне кажется, что меня сейчас снова вырвет.

Крейтон ушел, и нет никаких признаков того, что мне не померещилось его присутствие.

Размеренным шагом я подхожу к кружевным занавескам, чтобы взглянуть на подъездную аллею.

Пусто.

Из-за стирателя памяти под названием текила я не помню, в какой машине мы с Крейтоном ехали вчера, но я знаю, что у него должна была быть машина. И у меня нет гаража, в котором ее можно было бы спрятать.

И значит... его в самом деле здесь нет.

Нет.

Я отшатываюсь от окна, когда до меня наконец доходит.

Его нет. Я опускаюсь на стул возле обеденного стола, стоящего посреди кухни. Локтями я ударяюсь о спинку и морщусь от пронзившей меня боли. Слезы наворачиваются мне на глаза, когда я вижу записку:

ПОРОЧНЫ ОБА

Два слова.

– Какого черта? – спрашиваю я в пустоту. – Что это значит?

Я не знаю, почему задаю этот вопрос, ведь обои с рисунком в виде листьев плюща не ответят мне на него.

И тут до меня доходит. Два слова. Оба раза, когда я уходила от него, я оставляла записку из двух слов: *Прощай, Крейтон.*

Неужели он такой засранец, что решил поквитаться со мной? Я моргаю, чтобы не плакаться. У меня нет времени на слезы.

И тут я вижу в углу у стены кожаный футляр для гитары, такой же, как тот, что я оставила в пентхаусе в Нью-Йорке. Я поднимаюсь со стула, чувствуя, что мои локти все еще болят, и подхожу к футляру. Присев рядом на корточки, я кладу футляр на пол, открываю замки и поднимаю крышку.

Внутри лежит гибсоновская гитара, такая же великолепная, какой она показалась мне в тот день, когда ее доставили. Но больше в футляре, обитом изнутри бархатом, ничего нет.

Никакой записки или других знаков, говорящих о том, что думал Крейтон, когда оставлял ее здесь.

Я сажусь на пол, прислоняюсь спиной к плите и беру в руки гитару. Проверив, хорошо ли она настроена, я начинаю играть.

Что я пою? Ту песню, в которой я излила все свои сомнения и неуверенность в себе. Неуверенность, которая временно покинула меня, когда я пела в душе. «Затерянная на Пятой авеню».

Но посреди второго куплета я замолкаю. *Черт. Вот дерьмо.* Я не собираюсь сидеть, забившись в угол и упиваясь жалостью к себе. Я с этим покончила. Потому что какой в этом прок? Никакого. Если я хочу чего-то достичь, мне нужно оторвать задницу от пола и начать действовать.

Я кладу гитару назад в футляр и закрываю его. Нам с Крейтоном нужно объясниться, если еще не поздно. И, черт возьми, если он ушел – *на самом деле* ушел, – тогда настала моя очередь разыскивать его.

Моя сумочка висит на спинке стула, и я тянусь за ней, чтобы достать мой телефон. Он не разряжен, что уже хорошо. Найдя номер Крейтона, я нажимаю кнопку «Соединить». После двух гудков включается автоответчик.

Он что, включил меня в черный список? Меня? Какого черта?

Я снова нажимаю ту же кнопку.

Один гудок. И автоответчик.

Я отправляю ему сообщение:

Я: Два слова? Ты это серьезно? Два слова?

Я жду.

И жду.

И жду.

И ничего.

Я веду себя нелогично, я знаю. У меня нет абсолютно никакого права злиться из-за этого. Никакого. Но хотя я и понимаю это, это не уменьшает моей злости.

Так что я посылаю ему еще одно сообщение.

Я: У меня есть для тебя два слова, Крей. Хочешь угадать, какие?

Но не успела я нажать на кнопку «Отправить», как тут же пожалела, что у меня нет кнопки «Отменить». *Остынь, Холли.* Но все это не означает, что моя злость уменьшилась хоть на немного.

Снаружи хлопает дверца машины. Я быстро вскакиваю, кладу телефон на стол, подхожу к двери и рывком открываю ее. И замираю, потому что это не Крейтон.

Это Логан, и он кивает мне в знак приветствия.

– Приятно видеть, что ты жива и здорова. Немного беспокоился за тебя вчера вечером.

– Может быть, тебе стоило остановить меня до того, как я утонула в текиле и в сожалениях.

Он улыбается, и вид у него далеко не виноватый.

– Ты уже большая девочка. Я решил, что ты можешь сама определить, когда тебе хватит.

– Спасибо за веру в меня.

– Ты многого достигла. И я не думаю, что одна попойка в твоём родном городе сильно повредит тебе. Кроме того, твои фотографии в Интернете очень хороши.

– Фотографии? – почти взвизгиваю я. – Черт. Я даже не подумала...

– Не беспокойся. Все заголовки говорят только о том, что ты устроила импровизированный концерт в своём родном городе. Ничего скандального.

У меня голова пошла кругом.

– И с каких это пор ты читаешь обо мне в Интернете?

Если я рассчитывала, что он смутится, я глубоко заблуждалась.

Он улыбается еще шире.

– Еще до того, как ты объявилась в моей мастерской в этом дерьмовом «Понтиаке».

Логан Брентли только что признал, что интересовался мной. Я наконец-то оказалась достойной его внимания.

– И как давно ты следишь за мной? – спрашиваю я, потому что любопытство одерживает надо мной верх.

– Пожалуй, я лучше сошлюсь на Пятую поправку к Конституции⁴. – Он прислоняется спиной к своему большому черному грузовичку. – Я удивился, увидев тот «кэдди» на стоянке у Пигли-Вигли⁵ сегодня утром.

«Кэдди»? Пигли-Вигли? Мне кажется, что эти два слова не могут сосуществовать в одном предложении.

И мое замешательство, должно быть, очевидно, потому что Логан добавляет:

– Ты не помнишь «кэдди»? Тебя чуть не вырвало прямо в нем. Карас едва успел открыть дверцу. А если бы не успел, счет за аренду был бы намного больше. Хотя это, вероятно, его не сильно беспокоит.

Ситуация начинает проясняться, и я испытываю сладостное облегчение.

– Ты хочешь сказать, что Крейтон сейчас в Пигли-Вигли?

Картина, представившаяся мне, выглядит очень комично. Крейтон, в костюме-тройке, катит тележку и кладет в нее... что? Яйца и бекон?

Тогда что означала его записка? Было ли это попыткой отплатить мне моей же монетой? Логан пожимает плечами.

– Ну, я так решил, во всяком случае.

Я все еще пытаюсь переварить услышанное, когда мое внимание отвлекает негромкий шум мотора, и сверкающий черный «Кадиллак» въезжает на подъездную аллею и останавливается рядом с грузовичком Логана.

«Кэдди». Тот самый, который арендовал Крей.

Он глушит мотор и открывает дверцу. Когда он выходит из машины, я ничего не могу прочесть по выражению его лица.

Пока мы путешествовали во время гастролей, я несколько раз видела Крейтона в джинсах, но что-то в том, как ткань облегает его бедра, сразу же лишает меня рассудка. Черная трикотажная рубашка, подчеркивающая ширину его плеч и развитые мускулы груди, усиливает этот эффект.

Его старания держать себя в форме немало удивили меня во время гастролей. Они с Буном с удовольствием занимались поднятием тяжестей, и я была рада, что они подружились. Вот еще один пример того, как он вписался в мою жизнь, чего я никак не ожидала.

Он бросает взгляд на Логана.

– Брентли. Тебе что-то нужно?

– Нет, ничего. Просто заехал узнать, как себя сегодня чувствует Холли.

Крейтон кивает и нажимает кнопку пульта дистанционного управления. И дверца багажника открывается.

– Можешь с таким же успехом сделать что-нибудь полезное и отнести в кухню продукты, прежде чем Холли бросится делать это сама.

⁴ Пятая поправка к Конституции США – это одна из десяти поправок, составленных Джеймсом Мэдисоном, которые закрепляют права и свободы граждан, в том числе право не давать показания против себя.

⁵ Сеть супермаркетов.

Логан переводит взгляд с меня на Крейтона и подчиняется. Мужчины вносят в дом огромное количество пакетов.

– Черт, вы планируете накормить всех соседей? – спрашивает Логан, а потом добавляет: – Или вы собираетесь какое-то время пожить здесь?

– Мы будем жить здесь столько, сколько захочет Холли, – сухо отвечает Крейтон.

Я поднимаюсь за ними по ступенькам крыльца и чуть не падаю, услышав его слова. И я на самом деле упала бы, если бы Крей не выронил пакеты из рук и не подхватил бы меня прежде, чем я ударила лбом о деревянный пол.

– Черт, Холли. Ты в порядке? – спрашивает он, осторожно поворачивая меня лицом к себе.

Ошеломленная, я смотрю в его темно-карие глаза, не понимая, когда все изменилось. Я ожидала, что он все еще зол, так же зол, как был этим утром, когда я проснулась. Но вместо этого я нахожусь в объятиях мужчины, который смотрит на меня так, словно не дать мне упасть – самая главная миссия в его жизни.

Ни один мужчина прежде не ронял ничего, чтобы удержать меня от падения.

И в этот момент передо мной встает ясный выбор: продолжать отгораживаться от него стеной и не позволять себе расслабиться в его объятиях или прижаться к нему и позволить моим стенам рухнуть.

Слепая вера – нечто новое для меня. Я никогда раньше не доверяла мужчинам. В моем детстве их было много, и, за исключением Бена, ни один из них не дал мне почувствовать, что я могу доверять ему. Но Крейтон вполне может стать исключением.

– Холли? – снова спрашивает Крейтон, и я осознаю, что полностью отключилась.

– Да. Я в порядке. Просто... оступилась.

Может быть, больше, чем просто оступилась.

Взгляд Крейтона становится напряженным.

– Я думаю, мы оба оступились. И именно это мы собираемся исправить.

Он ставит меня на ноги и поднимает пакеты с пола. Я бросаю взгляд на Логана, который наблюдает за нами. Он хмурится, словно пытается понять, что, собственно, происходит между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.